

W4Y5T4QA5QY91HGLA2NЯJD957B7JOV9Y1GH7QA5NJ9Q

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА ГРУ

МИХАИЛ
БОЛТУНОВ

TOP SECRET

Михаил Ефимович Болтунов

Стратегическая разведка ГРУ

Серия «Тайная война продолжается»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686265
Стратегическая разведка ГРУ.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0506-1

Аннотация

Самая малоизученная и особая разведка в империи ГРУ – стратегическая. Она выдвинута далеко впереди пограничных застав и ведется, как правило, на территории противника или его союзников. В первой части – герои очерков офицеры-фронтовики, которые прошли войну на «передке», некоторые из них в качестве полковых и дивизионных разведчиков. А после войны, их героев-орденоносцев, направили в академию, а потом вновь на фронт, только теперь «холодной войны». Они были военными атташе, работали «под крышей» в Европе и на Востоке. Вторая часть повествует о детях войны, о мальчишках, которые мечтали о фронте, но пока обучались в спецшколах, военных училищах, война закончилась. Послужив в войсках, лучшие из них оказались в стратегической разведке. Работали в США, в Греции, Швейцарии, на Ближнем Востоке. Леонид Медведко трудился под «крышей» ТАСС в Домаске, Валерий Калинин под прикрытием торгпредовской должности

в Афинах, Василий Ловчиков служил в посольстве в Женеве. На их счету завербованные ценные агенты, добытые новейшие секретные образцы военной техники и оружия, материалы под грифом «Топ-секрет». Как добывались эти материалы и образцы, какие уникальные спецоперации были проведены нашими стратегическими разведчиками и повествуется в книге.

Содержание

Предисловие	5
«Симпатичный журналист из ТАСС»	8
«Пушкинская» фамилия	10
Командир расчета «сорокопятки»	13
Сборы были не долги...	22
«Дядька» Нил Иванович	30
«Я волнуюсь, услышав французскую речь...»	36
Добыть «языка»	45
«Выражаю благодарность...»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Болтунов

Стратегическая разведка ГРУ

Предисловие

Война ставит человека перед самым страшным выбором: или ты убьешь врага или враг тебя. Но чтобы опередить противника и победить, о нем надо знать многое. Это многое может дать только разведка. Именно поэтому каждый командир от мала до велика ведет разведку. И делает это, как предписывают боевые уставы, *непрерывно, активно, целеустремленно, своевременно, оперативно, скрытно и достоверно.*

Существует много видов разведки. В зависимости от целей, характера решаемых задач и масштабов деятельности, она делится *на тактическую и оперативную.* Тактическая, в свою очередь, *на войсковую, артиллерийскую, радиолокационную, радио- и радиотехническую, инженерную, радиационную, химическую и бактериологическую.*

Но есть особая разведка – *стратегическая.* Ведется она в интересах высших органов государственной власти и военного руководства. Добываемые ею сведения, материалы, документы используются для выработки внешнеполитическо-

го курса страны, планирования и осуществления мероприятий по национальной обороне и безопасности.

Стратегическая разведка выдвинута далеко вперед пограничных застав и действует, как правило, на территории противника и его союзников. Впрочем, работа стратегических разведчиков возможна и с нейтральных позиций.

Агенты стратегической разведки стараются проникнуть в самое сердце противника – в высшие государственные органы, в военные штабы, в оборонно-промышленные и научные центры, на базы и арсеналы ядерного оружия. Их задача – добыть секретную и совершенно секретную информацию. Ибо по ней будет определяться военно-экономическая мощь противника, уровень его научно-технического развития, военный потенциал, транспорт, связь, промышленность, финансы. Словом, спектр задач необычайно широк. И только стратегической разведке под силу решить их.

Именно о них, людях стратегической разведки, которые трудились над решением сложнейших государственных задач и идет речь в этой книге.

Герои повествования – офицеры-фронтовики, которые прошли Великую Отечественную, что называется, «на передке», полковыми и дивизионными разведчиками, противотанкистами, командирами пехотных взводов. После войны их, героев-орденоносцев, направили в академию, а потом вновь на фронт, только теперь уже «холодной войны». Они были военными атташе, работали «под крышей» в Европе и

на Востоке.

Вторая часть книги повествует о детях войны, мальчишках, которые мечтали о фронте, но пока обучались в спецшколах, военных училищах, война, к счастью, закончилась. Послужив в войсках, лучшие из них оказались в стратегической разведке. Работали в США, в Швейцарии, в Греции, на Ближнем Востоке.

На их счету – завербованные особо ценные агенты, добытые новейшие образцы оружия и военной техники, материалы под грифом «совершенно секретно». Как трудно и опасно добывались эти образцы, документы и материалы, какие уникальные спецоперации для этого были разработаны и проведены и рассказывается в книге.

«Симпатичный журналист из ТАСС»

Так называли Нила Ленского французские газетчики. В 1978 году в Париже состоялся громкий процесс: судили Жоржа Бофиса, героя Сопротивления, офицера Почетного легиона. Он получил восемь лет заключения за шпионаж в пользу Советского Союза. Как утверждалось на суде и в прессе, завербовал Бофиса Нил Ленский, советский военный разведчик, работавший под крышей телеграфного агентства.

В нашей стране в те годы о Ниле Ленском, разумеется, никто не обмолвился ни словом. Открыл его для российского читателя известный французский журналист Тьерри Вольтон, чья книга «КГБ во Франции» была переведена на русский язык и издана в Москве в 2000 году. Он достаточно подробно расписал, сколь значимой фигурой был Жорж Бофис. О том же, кто его завербовал, упомянул лишь несколько раз, да и то весьма скупо.

Хорошо понимаю французского коллегу Вольтона, тут как в старой басне: «видит око, да зуб неймет». Понимаю еще и потому, что все эти годы сам по крупицам собирал сведения о полковнике Ниле Ивановиче Ленском. Не скажу, что полностью удовлетворен результатами своей работы. Многое

осталось за семью замками, и, боюсь, к горькому сожалению, так и канет в Лету. С другой стороны, осознаю: Ленский, не цветочки-ягодки разводил, и потому все сказать о его работе невозможно, да и не нужно. А то, что удалось собрать, представляю на суд читателей.

«Пушкинская» фамилия

Справедливости ради надо сказать, что о Ниле Ленском я узнал не из книги Вольтона, а несколько раньше. Его имя называл мне Виктор Любимов, коллега Нила Ивановича, который тоже работал в Париже, потом здесь в Центре, в Москве.

В первый раз услышав это имя и фамилию, подумал, какое странное сочетание – древнее библейское имя и «пушкинская» фамилия. Как они сошлись в одном человеке? Впрочем, в следующую минуту сам улыбнулся над наивностью вопроса. Как, как? Просто папа Ленский назвал своего сына Нилом. Может, он был любителем греческой мифологии или кельтских языков, откуда, по мнению ученых, это оригинальное имя и вошло в наш современный обиход. Допустим, что это так. Но откуда у самого папы фамилия одного из любимых пушкинских героев?

Оказалось, история обретения фамилии весьма интересна и, я бы сказал, поучительна. А началась она с отца Нила – Ивана Андреевича Анисимова. Да, именно так. Ибо от рождения и сам Иван Андреевич носил эту фамилию, и родители его тоже были Анисимовы.

Мальчик Ваня рос в крепкой крестьянской семье, мать его была не только первой красавицей во всей округе – статной, черноволосой, но и весьма начитанной, образованной женщиной. В их семье любили чтение, стихи Тютчева, Фета,

Кольцова, Никитина, но особенно боготворили Пушкина. В доме всегда был журнал для домашнего чтения «Нива».

Сызмальства стихи и сказки Пушкина полюбил и маленький Ваня. Был он сметливым и не по годам серьезным. В церковно-приходской школе по всем предметам успевал на «отлично», и уже в 12 лет его приняли в ученики волостного писаря Молотудского уезда.

Через два года, всего в 14 лет, ему доверили весьма ответственную работу – должность конторщика службы тяги железной дороги в городе Ржеве.

В 17 лет Иван Анисимов ушел в Красную Армию, а уже в 20 лет был комиссован по здоровью.

Женился он в 1923 году, и тогда же сменил фамилию, стал Ленским. Почему это случилось, можно только догадываться, так как тайну сию Иван Андреевич никому не раскрыл до самой смерти.

Его второй сын, Рафаил, оставил небольшие записки о своей семье, в том числе и об отце. Вот как он пытался объяснить перемену фамилии. *«Папа изменил фамилию. Что подвигло его на это? Возможно, неприятие двумя крестьянскими родами их брака с мамой? Мои деды, оба Андреи, были двоюродными братьями. Так что, пойдя против моральных устоев крестьянской общины, родители навлекли на себя недовольство. Да и церковь браки троюродных родственников не приветствовала. Во всяком случае, ни мать, ни отец по этому поводу распространяться не любили...*

Но тогда почему отец выбрал фамилию Ленский, а не Печорин или Иванов? Скорее всего, сыграл свою решающую роль культ Пушкина в семье моей бабушки Марии».

Что ж, так или иначе, но старший сын, появившийся на свет в 1924 году, и нареченный Нилом, уже получил новую романтическую фамилию – Ленский.

Командир расчета «сорокопятки»

Нилу было всего 17 лет, он окончил школу, и грянула война. Семья тверских крестьян Анисимовых-Ленских заплатила дорогую плату за победу. Ивана Андреевича на фронт не призвали по состоянию здоровья, а вот три его младших брата Анатолий, Владимир и Константин погибли в самом начале войны. Свои головы они сложили, считай, на пороге отчего дома, защищая родной Ржев. В последнем письме сыновья сообщали матери, что готовы сражаться с врагом, правда, у них нет оружия. Но ничего, успокаивали они самого родного на свете человека, оружие добудут в бою. Для этого готовят крепкие колья. Судя по всему, колья не помогли.

Еще одному брату Василию «повезло»: он прошел всю войну в пехоте, был ранен, стал капитаном и в 1945 году возвратился домой. Воевала также и младшая сестра Ивана Андреевича – Настя.

Что же касается непосредственно семьи Ленских, то первым на фронт ушел Нил. За ним – Рафаил, младшие Альберт и Владимир были слишком малы, чтобы держать оружие. В семейном архиве Нила Ивановича Ленского сохранились обрывочные записи, скорее всего, наброски будущей книги. Говорят, он мечтал ее написать, но не успел. Однако некоторые эпизоды выписаны довольно тщательно. Например, получение повестки из военкомата. И пусть главный ге-

рой, от лица которого идет повествование, носит иное, выдуманное имя, нет сомнения: автор записок передает свои чувства и переживания.

«Война подступилась к мальчишкам неожиданно. И невозможно было осознать не только размера накатившей беды, но и ее истинное содержание.

В первый день, после объявления об этом по радио, навязчиво лезли в голову слова из песни: «Если завтра война, будь сегодня к походу готов». Он достал из коробочки хранившиеся там значки БГТО и ПВХО, удостоверения к ним, пересмотрел и опять спрятал.

О дальнейшей учебе нечего было и мечтать. На пятый день войны мотоциклист привез и вручил под расписку повестку из горвоенкомата о призыве. Повестку ждали, но появление ее вызвало удивление: отпечатана она была на пишущей машинке, на тонкой папиросной бумаге, чересчур скромным текстом.

Он ждал чего-то большего, торжественно-значимого, слов о войне, ссылок на закон. Листок же просто оповещал, что в связи с призывом на действительную военную службу в Красную Армию ему надо прибыть туда-то. Но в то же время сугубо деловая простота изложения сразу же настраивала на серьезность ситуации, на отсутствие времени для долгих размышлений, на желание как можно быстрее занять место, отведенное тебе в создавшейся обстановке.

После отца повестка прошла через всех домочадцев, в

том числе и младших братьев, которые не нашли в ней ничего интересного.

Увидев осунувшиеся лица родителей, растерянность старшего брата, они уцепились с обеих сторон за мать. Та обняла их, как бы защищая от беды, крепко прижала к себе и тихо заплакала. Не понимая состояния матери и готовые разреваться, ребята с испугом глядели то на нее, то на отца. К горлу подкатил горький комок...»

Так Нил ушел на фронт. Определили его в школу младших командиров-противотанкистов. Школа располагалась в Песочных лагерях, что в 30 километрах от Костромы.

Воспоминаний Ленского об этом периоде его жизни не сохранилось, но удалось найти другие свидетельства, что из себя в ту пору представляли Песочные лагеря.

«На фронте оказался не сразу, – вспоминал ветеран войны Н. Панков, – сначала попал в учебку, где готовили младших командиров. Она находилась под Костромой, в Песочных лагерях. Когда мы прибыли туда, увидели вокруг только лес. Нас встречал офицер, который сказал: «Весной птички прилетают вить себе гнездо, так и мы будем строить себе жилье».

Начались наши строительные будни. Нужно было построить землянки на 200 человек – целую роту. Одно бревно несли на себе 15 человек – так мы все были обессилены. Кормили плохо, два раза в день. Утром – вобла сушеная, два сухаря. Обед – тоже самое. Пили привозную воду из реки.

Освещения, отопления не было. Из травы и камыша сделали постели. Форму не выдали, ходили в гражданке. Правда, через три месяца стали получать усиленный паек, по 200 граммов белого хлеба, варили каши, супы. Привезли гимнастерки, шинели».

Нет сомнения, через все это прошел и Нил Ленский.

Летом 1943 года он оказался в действующей армии, в 53-й мотострелковой бригаде 29-го танкового корпуса. Под свое начало старший сержант Ленский получил оружейный расчет истребительно-противотанковой батареи.

Противотанкисты тогда имели особый статус. В связи с массовым применением фашистами танковых войск, советское командование уделяло большое внимание укреплению противотанковых частей. Младшие командиры и рядовые получали двойной оклад денежного содержания, весь начальствующий состав до командира дивизиона был взят на особый учет и использовался только в соответствующих частях. Сержанты и бойцы-противотанкисты после излечения в госпитале направлялись строго в истребительно-противотанковые подразделения.

Даже формой они отличались от других: имели специальный нарукавный знак – черный ромб с красной окантовкой со скрещенными оружейными стволами.

За каждый подбитый танк командиру орудия и наводчику выдавалась премия в 500 рублей, остальному оружейному расчету – по 200 рублей.

Все эти поощрения были назначены не зря. Противотанкисты всегда на переднем крае и деться им оттуда некуда. Более того, они — последняя надежда командования: кроме них немецкие танки остановить некому. Как правило, они воевали при численном превосходстве врага. Противотанковые пушки, те же знаменитые «сорокопятки», были эффективны только на весьма малой дальности, всего в несколько сотен метров. И тут уж, как говорят в народе, «либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Третьего не дано. В кино и то страшно смотреть на эту крохотную пушчонку, вступающую в дуэль с бронированным монстром. А что уж в жизни. Да и немецкие танкисты уделяли им самое пристальное внимание.

Нил Иванович оставил запись в несколько абзацев о своей встрече с пушкой-«сорокопяткой». Он рассказывает о ней, словно о живом человеке, боевом друге.

«Добравшись до пушки, наскоро оглядел свое новое хозяйство. «Сорокопятка» стояла в тени невысокого клена. Первым делом, опустив карабин на землю, взялся за рукоятки маленьких зеленых дисков и уверенными движениями проверил их. Подъемно-поворотный механизм орудия действовал плавно, безотказно.

Старенький прицел был укреплен на нужном месте, снятый с него брезентовый чехол, пробитый в нескольких местах осколками, висел тут же на шнурке. Он опустился на колено и заглянул в окуляр прицела. Участок дороги вдруг

приблизился к нему с такой четкостью, что ясно стало видно танковую колею и валявшийся на обочине телеграфный столб. Над землей тонкими струйками поднималось неровное марево горячего воздуха.

Оторвавшись от прицела, он посмотрел вверх, отметил про себя: крона дерева защищает от горячего полуденного солнца и, судя по всему, хорошо маскирует оружие. Вновь опустил к прицелу и еще раз внимательно оглядел участок опасной дороги. Открытый ящик со снарядами был рядом, под рукой. Бронебойные головки тускло светились матовым отливом. Он готов был встречать врага.

Хорошо выписано, ничего не скажешь. Чувствуется, Нил Иванович знал свою боевую работу тонко и досконально. Да и как иначе? Почти полтора года не вылезал с переднего края старший сержант Ленский. Что поразительно, за эти полтора года жестоких боев не был ранен, даже царапины не получил, словно заговоренный.

В июле 1944 года наградили его первым боевым орденом. Командир моторизованного батальона автоматчиков гвардии капитан Соколов, в состав которого входила батарея, так писал о подвиге Нила Ивановича: «Товарищ Ленский за период боевых действий на Кировоградском направлении в районах Корсунь – Шевченково и Писаревка, а также в последующих боях показал свою умелость командовать орудийным расчетом.

Проявил смелость и решительность в боях за ст. За-

славль (03.07.1944 г.) своими выстрелами из орудия остановил поезд противника, пытавшегося удрать в тыл. Своевременно выкатил орудие на выгодный рубеж и первым же снарядом попал в паровоз. В этом же бою тов. Ленский взял в плен пятерых немцев из разбитого эшелона.

При отражении контратаки в районе м. Ракув первым открыл из орудия огонь, и контратака немцев была сорвана. Его расчетом за период боев с 24.06.1944 г. по 05.07.1944 г. уничтожено 12 автомашин и 32 немца».

Командир 31-й танковой бригады 3-го Белорусского фронта подполковник Молчанов утвердил представление, и Нил Ленский получил орден Красной Звезды.

Командир батареи лейтенант Расщепов и взводный младший лейтенант Шляхов в свою очередь направили родителям Нила Ивановича письмо: «Уважаемые Иван Андреевич и Степанида Андреевна, мы, бойцы и командиры части, в которой служит ваш сын, шлем вам искренний фронтовой привет.

Решили сообщить и одновременно поблагодарить вас за воспитание сына Нила. Ваш сын и наш боевой товарищ сражается вместе с нами. Он прошел суровый боевой путь через Украину, Бессарабию, Белоруссию и Литву. В боях с немецко-фашистскими захватчиками Нил показал чудеса бесстрашия. Награжден орденом Красной Звезды».

В это же время ему было присвоено воинское звание старшины.

Командир орудия Нил Ленский был известен в батальоне не только смелостью и умением управлять расчетом «сорокопятки» в бою, но и веселым, шутливым характером, добрым нравом, умением ладить с людьми. Когда в батальоне освободилась должность комсорга, комбат предложил кандидатуру старшины Ленского.

Начальник политотдела бригады охотно согласился. Он и сам давно присматривался к этому веселому, не унывающему старшине. Так, осенью 1944 года противотанкист, командир расчета Ленский стал комсоргом родного батальона автоматчиков.

Воинскую профессию Нил Ленский сменил, а вот характер у старшины остался тот же – боевой, бесстрашный, порывистый. В тылу, в период подготовки к наступлению, комсорг всегда с людьми. Как напишет позже в наградном листе комбат капитан Быков, «проводил большую работу среди комсомольцев и с личным составом, разъясняя предстоящие задачи батальона в наступлении».

В бою комсорг был впереди. *«В боях за станцию Понки, показывая образцы мужества и отваги, – сказано в представлении на орден, – в числе первых в составе десанта ворвался на танках в расположение противника и огнем из автомата беспощадно уничтожал немцев. Только в этом бою он лично уничтожил семерых фашистов.*

В боях за населенный пункт Косины – Коньични лично уничтожил 12 немцев и был ранен, однако с боевого поста не

ушел до тех пор, пока не была выполнена задача батальона. Своим бесстрашным примером и храбростью воодушевлял весь личный состав.

Достоин награды ордена “Отечественной войны” II степени».

*В январе 1945 года удача изменила бесстрашному комс-
оргу. Был тяжело ранен, попал в госпиталь. Здесь его и до-
гнала радостная весть: он стал офицером, младшим лейте-
нантом. А вскоре, через несколько месяцев, и войне пришел
конец. Нил вернулся домой.*

*«Весенним поздним вечером раздался звонок, – вспоми-
нал Альберт Ленский. – Наш Рекс, огромная овчарка, нача-
ла вдруг скулить. Мы кинулись к дверям. На пороге стоял
незнакомый офицер. Я не признал старшего брата, а Рекс
неожиданно бросился его лизать, хотя прежде никогда его
не видел, ведь папа взял щенка, когда Нил воевал на фронте.*

*Этот эпизод мне врезался в память потому, что Рекс
был очень свирепым псом, никого из чужих к себе не подпус-
кал, а Нила, поди ж ты, учуял, признал».*

Сборы были не долги...

После победы младшего лейтенанта Ленского оставили в армии, направили учиться в Военный институт иностранных языков. Здесь он не только получил отменное образование, освоил французский язык, но и обзавелся семьей – женился, а в 1948 году у него появился сын Евгений.

Вот как о тех годах вспоминает жена Нила Ленского, Маргарита Владимировна: *«Нина (сестра Маргариты) решила устроить меня в столовую официанткой (речь идет о столовой Военного института иностранных языков). Возражать было бесполезно, я согласилась.*

Когда в первый раз с двумя огромными чайниками вошла в зал, у меня подкосились ноги, закружилась голова. За столами сидели молодые офицеры, их было так много.

Как я познакомилась с Нилом? Они с Лешей Болховским искали жилье, забрели к нам. Мы их угостили чаем, свою проблему они потом решили, но к нам продолжали приходить на чай.

Втроем ходили в библиотеку, в кино, в клуб «Серп и молот», когда там выступал Эдди Рознер. Алексей и Нил не могли понять, кому я отдаю предпочтение. Но однажды на концерт я пошла с Нилом. Своего туалета у меня не было, одевал весь этаж. Алексей все понял и больше не приходил.

Мне нравился заразительный смех Нила, немного смущал

его рост. На его фоне я выглядела маленькой «золушкой».

С Нилом встречались, дружили, он за мной ухаживал. Строили планы на будущее, решили пожениться, как только он закончит институт».

Так, собственно, и случилось. После окончания института Ленского направляют служить по специальности – инструктором по работе среди войск и населения противника в Северную группу войск.

Прослужил на этой должности инструктор Ленский два года. Судя по всему, соседи из Разведуправления внимательно присмотрелись к молодому офицеру. Завидная кандидатура – фронтовик, орденоносец, прекрасно владеет французским языком. И ему предложили поступить в Военно-дипломатическую академию. Ленский успешно сдал экзамены и в 1952 году стал слушателем.

В 1956 году – выпуск и первая командировка во Францию. Официально Нил Ленский – корреспондент ТАСС в Париже.

«Нил закончил академию, – вспоминает Маргарита Владимировна Ленская, – его направили в Париж. Была готова виза, назначен день отъезда. Женя учился в третьем классе. Быстро собрались, сели в самолет, он взлетел, и мы сверху наблюдали, как исчезает Москва.

Прилетели в Париж. Нас встретили, поместили в какую-то гостиницу под названием «Монтевидео».

Вскоре предложили перебраться, но не в торгпредовский дом, а всего лишь в пристройку. В ней когда-то посольский

врач принимал пациентов. Что поделаешь, тогда в посольстве с квартирами была напряженка.

В этой клетушке, совсем не приспособленной к жилью, было неудобно, но мы вполне довольствовались и этим. Я с Женей спала на матрасе, Нил – на раскладушке. Чтобы протянуть ноги он открывал дверь в коридорчик. Обед готовили на общей кухне.

Когда уезжали из Советского Союза, нас предупредили: с собой ничего не брать. Так и поступили. Однако скоро об этом пожалели. В магазинах все дорого, цены запредельные. Нилу к празднику понадобился смокинг, а с его габаритами он стоит вдвое дороже. Ничего, как-то выкручивались».

Нил Иванович спокойно относился к бытовым трудностям. В конце концов, со временем все уладилось, утряслось. Волновало, главное – работа.

Жорж Бофис был человеком во Франции весьма уважаемым и заслуженным. Под псевдонимами полковник Дрюмон, Жозеф Марсо во время войны, постоянно рискуя жизнью, он обеспечивал связь между штабом Сопротивления и Великобританией.

В начале войны, будучи активистом компартии, он попал в плен к фашистам, бежал из застенков, возвратился в столицу. Вместе с Артуром Далиде создал «Специальную организацию», которая защищала партию и ее активистов.

После нападения фашистов на Советский Союз эта организация приняла участие в движении Сопротивления. В

1942 году она уступила место ставшей впоследствии крупнейшей военной организацией французского Сопротивления «Франтиреры и партизаны» (ФТП). Бофис вошел в руководство ФТП и занялся созданием радиосети для связи Сопротивления с Советским Союзом.

В 1942 году Жорж Бофис налаживал и обеспечивал связь с голлистскими секретными службами в Лондоне. После войны он продолжал службу во французской армии в штабе Первого военного округа.

«Бофис утверждал, – пишет Тьерри Вольтон в уже названной книге «КГБ во Франции», – что советские представители установили с ним контакт в 1963 году, когда он уже демобилизовался из армии. Его пригласили в посольство СССР на прием по случаю годовщины Октябрьской революции и там с ним познакомился симпатичный журналист из ТАСС Нил Ленский. Они стали встречаться: журналист задавал ему вопросы о политической жизни Франции, просил безобидную информацию об армии.

«Мы встречались в «Кафе дю коммерс», беседовали об американском империализме и немецких реваншистах», – оправдывался он на суде. – Советский журналист просил все больше и больше информации. Бофиса это не насторожило».

Французская контрразведка в ходе допросов добилась от Бофиса признания, что он передал советскому офицеру план обороны Западного округа. Это был весьма болезненный

удар, ведь на территории округа расположены крупнейшие арсеналы Шербура и Бреста, порт Сен-Назера, на острове Лонг – база атомных подводных лодок. Стало также известно, что Жорж Бофис познакомил своих кураторов из ГРУ с биографиями старших армейских офицеров и политических деятелей страны.

Он так же сообщил, что тайно посещал Советский Союз, где получал соответствующие инструкции. Организовывал эту поездку Нил Ленский.

«Мы с женой поехали в отпуск в Чехословакию, – передает рассказ Бофиса на суде Тьерри Вольтон. – В пражском аэропорту случайно встретили Нила Ленского. «Приглашаю вас на несколько дней к себе на дачу, – сказал он. На следующий день он передал нам документы».

«Любопытное совпадение», – иронизирует журналист. Действительно любопытное, тем более что в то время у Ленского не только дачи, но и квартиры-то своей в Москве не было. Правда, в ГРУ на этот случай имелись свои «дачи». Именно на такую «дачу» и пригласили Жоржа Бофиса.

«На то, что это не было простым времяпрепровождением, – считает Вольтон, – указывают две детали. Прежде всего, Бофис тщательно скрыл свой «отпуск» в СССР от близких, в том числе и от детей. Более того, виза на поездку в Москву, переданная ему Ленским в Праге была оформлена на отдельном листе, чтобы в паспорте не осталось никаких следов. Когда советские разведслужбы переправля-

ют своих агентов на тайную стажировку, они всегда поступают именно так. Кроме того, обычно поездки осуществляются не напрямую, а через столицу какой-нибудь дружественной социалистической страны, в данном случае через Прагу.

Признания, а также аппаратура, найденная дома, убедили УОТ (французская контрразведка): Бофис – важный агент ГРУ. «Тем не менее, как признал комиссар Нар в суде, «в данном деле к правде мы только приблизились. Она нам известна лишь на 25 процентов. Это не безответственная фраза».

Что тут скажешь? Сдается, что комиссар Нар знал, о чем говорил. В сущности, это и есть истинная оценка деятельности военного разведчика Нила Ленского и его ценного агента Жоржа Бофиса.

Но это, как говорят, взгляд с той стороны. А с нашей? Генерал-лейтенант Юрий Бабаянц, президент Союза ветеранов военной разведки хорошо знал Ленского, работал вместе с ним в Париже. Вот что он сказал по этому поводу:

«Нил Иванович – обаятельный человек, манера общения притягательная. За долгий срок службы в разведке я знал только двух таких людей. Один из них – Ленский.

Блестящий аналитик, хорошо писал. После отъезда Нила одного из его агентов передали на связь мне. Так вот, считалось, что этот агент работает на идейной основе. Но вся его идейная основа базировалась на огромной симпатии

к Нилу.

Заслуга Ленского не только в том, что он завербовал Бофиса, и даже не в том, что Жорж передавал нам ценные материалы. Самое важное было другое – Нил сумел донести до Бофиса, насколько важно иметь агентурную сеть на случай войны, боевых действий и в военное время обеспечить ее жизнедеятельность. И это было сделано.

Все задачи по первой командировке Нил Иванович полностью решил. Его оставили в Центре. А в ту пору в Центр назначали только тех, кто эффективно отработал за рубежом».

Коллега Ленского Виктор Любимов рассказывал мне, что когда он позже приехал из Франции, то его назначили старшим офицером 1-го направления европейского управления ГРУ. Начальником у него был генерал Иван Чередеев, а сослуживцами Нил Ленский и Иван Прозоров.

Я до сих пор помню, как светились глаза Любимова, когда он вспоминал те годы. «Коллектив был, что надо!» – говорил Виктор Андреевич с восхищением.

Через несколько лет работы в центральном аппарате Ленского направили во вторую командировку. Вновь во Францию, в Париж, но теперь уже первым секретарем советского посольства.

Они уехали втроем, только на этот раз с младшим сыном Андреем. Старший Евгений остался в Москве, он уже был студентом.

В своих записках Маргарита Владимировна описывает это так: *«Совершенно неожиданно для нас Нил сообщил, что его опять посылают в командировку. Я ухожу с работы. Навела для Жени в квартире порядок. Андрею купили учебники для поступления в первый класс. Сборы были недолгими.*

В первой командировке у меня было много сил, я не болела, занималась общественной работой, меня хватало на все. На этот раз не повезло, заболела, положили в больницу, два месяца провела в постели. Нилу пришлось тяжело».

Действительно тяжело. На руках сын-первоклассник, больная жена, «крышевая» должность первого секретаря в посольстве, а главное – работа разведчика. Нилу несмотря ни на что удалось поднять жену и наладить работу.

В 1972 году Нил Иванович возвратился из командировки на Родину.

«Дядька» Нил Иванович

За спиной у полковника Ленского была война, учеба в Институте иностранных языков, в дипломатической академии, две зарубежные командировки. Опыта, и жизненного, и профессионального, достаточно. Да и силы, энергии еще хватало на двоих. Командование предложило поработать в родной академии. Нил Иванович согласился и вскоре был назначен старшим преподавателем первой кафедры.

Он вел специальную подготовку. А подготовка эта и есть основа всей деятельности офицера-разведчика. Как разобраться в контрразведывательной обстановке страны пребывания, каким образом подбирать объекты для изучения, где знакомиться с будущими агентами, как устанавливать первые контакты, разрабатывать кандидатов, проверять их, потом руководить ими, организовывать связь, поддерживать ее и еще многое, многое другое. Вплоть до провала. Что делать, если он случился, как действовать в подобной ситуации, как оборвать связи, вывести из-под удара агентов.

Всю эту «науку разведывать» и преподавал Нил Ленский. А вот каким он был педагогом, мы решили спросить у его учеников. Кто лучше них расскажет о своем учителе? Тем более что с тех пор, как Нил Иванович выступал в этой роли, прошло много лет и его воспитанники сами стали генералами и полковниками, работали за границей, руководили

разведаппаратами.

Но прежде чем предоставить им слово, хочется сказать: все, кого учил Ленский, вспоминают о нем с удивительной теплотой и нежностью. Он принял французскую группу на втором курсе. Так вот, как сказал кто-то из этих ребят, «учебная группа у нас была, а вот коллектива не было».

Нил Иванович сумел сплотить ребят, организовать. Уже закончив академию, они работали за границей, но возвращаясь из командировок собирались группой и, конечно, всегда приглашали своего учителя. Словом, учил он их не по учебнику, а по душе.

Вспоминает полковник в отставке Юрий Соломонов:

«Нила Ивановича мы звали между собой уважительно «дядькой». Тем, который и учит, и любит, и болеет за нас. Конечно же, он давал нам какие-то теоретические тезисы из утвержденной лекции, а потом откладывал ее в сторону и говорил: «А в жизни бывает так...» И на все случаи у него были жизненные, практические примеры.

Учил нас, что доверенное лицо или будущий агент – это человек, которого надо любить, уважать и помнить: он рискует гораздо больше, чем ты. Даже если в этой стране нет высшей меры, то предусмотрены длительные тюремные сроки за измену. «Поэтому думайте в первую очередь не о себе, а об агенте», – учил Ленский.

У Нила Ивановича было бережное отношение к нам. Он знал наши сильные и слабые стороны, умел понять, поддер-

жать. Никогда не ругал, не отчитывал. Но если делал замечание в полушутку-полусерьезно было очень стыдно.

Помнится, на занятии я выбрал один из вариантов действий. Ну, прямо шикарный вариант, как мне казалось. А Нил Иванович раскритиковал. Очень болезненно я воспринял его критику. А он заметил мои переживания и говорит: «Вот что, Юрий, ты не думай, что жизнь разведчика состоит только из блестящих вариантов. Это кропотливая, нудная и неблагодарная работа. Но побеждает тот, кто терпеливее. Кто несмотря на неудачи идет вперед». До сих пор я эти слова помню.

Когда после окончания академии я приехал во Францию, недели две с мокрой спиной ходил. Вроде и в группе французского языка был в числе лучших, а тут слушаю, понимаю, а ответить, как немой, не могу. Вот тогда и вспомнились советы Нила Ивановича: «Не стесняйтесь, говорите с ошибками, но говорите...» И, знаете, помогло.

Сам Ленский владел французским языком прекрасно. Какую-нибудь коронную фразу выдаст и как лис хитро смотрит: поймем – не поймем. А потом начинает рассказывать, что у него с этой фразой было связано в оперативной работе».

Рассказывает полковник в отставке Владимир Кулемеков: «У Нила Ивановича мы многому научились. Как, например, действовать в той или иной ситуации. Особенно он акцентировал внимание на первых шагах, когда ты молод,

неопытен.

Моя служба проходила так, что я часто вспоминал его советы. На раннем этапе работы мне не повезло с руководителями, которые могли бы подсказать, как верно, правильно действовать, но не подсказали. А молодость, горячность приводила к поспешности, желанию как можно скорее достичь результата.

Нил Иванович не жалел своего времени, часто беседовал лично с каждым, учил уважать противника. Всегда говорил: надо понимать, что там тоже сидят люди, преданные своему делу.

По натуре он был очень коммуникабельным человеком и считал, что разведчик должен быть интересен своему собеседнику. При этом он нередко ссылался на своих соратников, с которыми работал в Париже. В шутку говорил: «О, это такие лихие ребята! С ними можно было брать Елисейский дворец!»

Ленский всегда творчески подходил к занятиям, был большим выдумщиком, изобретал нестандартные ситуации. Как-то проходили у нас занятия по тайниковым операциям. Один из наших ребят выбрал в качестве тайника фонарный столб в парке. Внизу у него дверца, куда и предполагалось закладывать разведматериалы. Дело было зимой, однако наш товарищ выбрал именно этот тайник и описал его в задании.

Нил Иванович поручил другому слушателю поехать в

парк и облить этот столб водой. Разумеется, вода замерзла. И вот «творец тайника» с замиранием сердца подходит к фонарю и... немая сцена. Что ж, прекрасный урок. При выборе тайника надо учитывать погодные условия.

Ленский всю жизнь незримо шел со мной. Я и сейчас его часто вспоминаю».

«Что сказать о Ниле Ивановиче Ленском? – продолжает так же один из учеников, который просил не называть его фамилии. – Он – русский мужик. С виду – рубаха парень. На самом деле очень глубокий человек. Капитально разобрался в людях. Когда к нам пришел, сказал: «Хочу, чтобы у нас был единый коллектив. Вы начинаете заниматься боевой работой и важно, чтобы у вас было чувство локтя».

Нил прекрасно знал французский, почерк у него каллиграфический. Регулярно читал французскую прессу и каждому из нас на специальных плотных листах бумаги писал задание.

Человек удивительного обаяния, знал множество французских прибауток, поговорок. «Представь себе, ты сидишь с французом, – говорил он, – кушаете сыр. А вот она, поговорка про сыр, к месту, ко времени. И твоему собеседнику приятно, он приятно удивлен». Нил любил Францию.

Ленский был классным наставником. Тщательно изучал каждого из нас. Совершенно не конфликтный мужик, хохмач, любил и ценил шутку. Не злобный. Никого не обижал.

Нил Ленский – это удивительный человек, большой раз-

ведчик, аналитик, воспитатель».

Вот таким запомнили его ученики. И дай Бог каждому такую добрую, теплую память.

Р. С. Этот очерк о Ниле Ивановиче Ленском не состоялся бы, если бы не помощь его сослуживцев, учеников, и особенно сына – Евгения Ленского. Он кропотливо и упорно собирал все, что связано с отцом: архивные документы, материалы, воспоминания. Казалось бы, что ж тут особенного, так и должно быть, ведь это память об отце. Однако с сожалением должен признать: более четверти века пишу о разведчиках и опыт встреч с их детьми имею не малый. Не хочу никого обидеть, но опыт этот зачастую горек и негативен. За редким исключением сыновей и дочерей разведчиков мало интересуют дела и подвиги своих отцов. Разумеется, речь не идет о тонкостях разведовательной работы.

Недавно один из сыновей нашего крупного военного разведчика выслушав мои слова, с едва сдерживаемым раздражением бросил: «Да кому это нужно сегодня!»

А действительно, нужно ли нам это сегодня? Думаю, очень нужно. И нам, и нашим детям, и нашим внукам. Конечно, если мы не хотим превратиться в страну манкуртов, в страну тех самых «Иванов, не помнящих родства».

Поэтому я искренне благодарен Евгению Ниловичу Ленскому за добрую память об отце-фронтовике, за неоценимую помощь в работе по созданию этого очерка.

«Я волнуюсь, заслышав французскую речь...»

Полк с тяжелыми боями отступал уже третий месяц. Разбитый под Бельцами, но сохранивший боевое знамя, он пополнялся уже несколько раз, однако через неделю-другую от него мало что оставалось. Командир полка хотел знать, что за враг противостоит ему. И разведчики каждую ночь ползали за линию фронта, чтобы достать «языка».

Порой им улыбалась удача, и они притаскивали с переднего края испуганного до полусмерти помятого фрица. Однако он мало что знал, а платить приходилось за него, ох, как дорого – жизнями его ребят-разведчиков.

А сегодня случилось несчастье. И комвзвода разведки Владимир Стрельбицкий пытается объяснить, как это произошло. Но, судя по реакции командира полка, его сбивчивый рассказ не убеждал майора.

Когда он закончил доклад, в землянке повисла тишина. Долгая. Мучительная. Молчал взводный. Как скала, уперев взглядом в стол, сидел комполка.

– Это все, лейтенант? – глухим, каким-то загробным голосом спросил комполка.

– Так точно, товарищ майор.

– Тогда иди...

Лейтенант растерялся, не веря своему счастью. После всего случившегося его отпускали с миром? Он слегка замешкался, но потом четко, как учили в училище, развернулся, и шагнул на выход.

У дверей его, словно пуля в затылок, догнала вторая часть недосказанной командирской фразы:

– ...Готовься к трибуналу.

Владимиру показалось, он ослышался. Остановился, словно споткнулся, оглянулся, не веря ушам своим.

Комполка уже стоял за столом во весь рост.

– Тебе повторить? – зло бросил он вдогонку.

Повторять было ни к чему. Лейтенант дернул дверь и вырвался на улицу. Хотелось бежать подальше от этой землянки, да ноги не несли, хоть убейся.

Едва доковылял до расположения своего взвода, опустил-ся на землю у сгоревшей старой березы.

Стрельбицкий чувствовал, нутром чуял – командир сказал такое не ради красного словца. За эти месяцы боев он нагляделся всякого. На войне командиры быстры на расправу, долго не разбираются, к стенке – и готов.

Обида заполняла сердце. Ведь вроде и не за что его под трибунал. С первого дня войны от немца не бегал, воевал честно и даже, как говорили ему в политотделе дивизии, вручая карточку кандидата ВКП(б), храбро и умело. Эти слова он не сам себе приписал.

«А-а, – с горечью подумал Владимир, – слова к делу не

пришьешь». Да, но перед тем как его приняли в партию, был бой, и если бы не та бутылка с горючей смесью...

Лейтенант вспомнил немецкие танки, выкатившиеся на опушку леса, и их взвод, в оцепенении замерший в окопах. Он тогда, как загнанный волк, почуял настроение стаи. «Надо что-то сказать им, крикнуть, – подумал Стрельбицкий, – иначе побегут».

Да и как не побежать, ни тебе артиллерии против танков, ни ружей противотанковых, по две бутылки «коктейля Молотова» в руках и все.

– Не дрейфь, ребята, – заорал он что было сил. – Приготовиться к атаке! И сам выполз на бруствер окопа.

Направо-налево не смотрел – боялся, что никто не встанет за ним. Глядел на танк. Полз, бежал, упал. Метнул, что было сил, одну бутылку, вторую. И тут же услышал крик своих ребят: «Ура! Горит!» Увидел, как вспыхнуло, заиграло пламя на броне.

Танк словно уткнулся в невидимую преграду, остановился, медленно развернулся и стал уходить. За ним следом второй, третий.

К лейтенанту сбежались солдаты его взвода, поздравляли, радовались, хлопали по плечу. А через неделю на партийном собрании его приняли кандидатом в партию, и, вручая карточку, те самые слова, про храбрость и героизм сказал комиссар дивизии.

Но это было вчера. А сегодня ночью со своими орла-

ми-разведчиками он совершил такое, чем, выходит, заслужил трибунал.

«Черт, – выругался Стрельбицкий, – знал бы, застрелил бы этого фрица собственной рукой. А то мучились, тащили собаку всю ночь по болоту...»

– Ты чего, командир, сам с собой разговариваешь? – услышал Владимир голос своего лучшего разведчика Копылова. Тот подошел., присел рядом.

– Да заговоришь тут. Завоешь волком... – махнул рукой с досады Стрельбицкий.

– Что, круто забрал комполка?

– А круче не бывает. Обещал под трибунал отдать.

– Это он для красного словца, товарищ лейтенант, – успокоил разведчик.

– Эх, Копылов, Копылов, хотелось бы верить...

Они замолчали. Копылов был правой рукой лейтенанта. Это он бесшумно подобрался и оглушил немца прикладом автомата в сегодняшнем ночном рейде. А когда тот по дороге пришел в себя и стал сопротивляться, «притушил» его еще разок. Правда, потом тащить гада пришлось через болото на себе. Но что поделаешь, работа у них такая.

– Знаешь, командир, – сказал Копылов, – история, конечно, не приятная. Лопухнулись мы. Но ведь не преступление это. Разберутся. Ну, посуди сам, в чем мы виноваты?

– Судить, друг мой Копылов, буду не я. Нас ведь в другом подозревают, понимаешь, – бросил Стрельбицкий. – И самое

тяжкое – не верят ни хрена.

– А я думаю что, комполка с его трибуналом – полбеда, особистов боюсь. Вот беда... Злые ребята, в каждом изменника видят.

– Так на то они и особисты, – развел руками лейтенант. Копылов в ответ на это промолчал.

Владимир и сам знал: от особистов доброго не жди. Приходилось с ними сталкиваться.

Как-то в одном из боев удалось подбить два немецких танка. Фашисты бежали, бросив машины, и он сумел под огнем забраться внутрь танка. Товарищи по взводу залегли поблизости. Каково же было их удивление, когда из люка танка показалась головка сыра, потом вторая.

Запасливые немцы сыр возили с собой. Он оказался хорошей добавкой к питанию взвода. Ведь кормили тогда скудно, в лучшем случае кашей-перловкой, а тут такое богатство.

Нашел лейтенант в боевом отделении и десяток наручных часов. Раздал сослуживцам, взял себе. Однако уже на следующий день о часах прознали в особом отделе. Ну и предстал лейтенант пред ясными очами «особняков». Сначала расспрашивали, что да как, а потом едва судилище не устроили, мол, мародерство, грабеж. На что Стрельбицкий резонно ответил: во-первых, с мертвых часы не снимал, достались они в качестве трофея, во-вторых, не прикарманил, не зажал их, раздал разведчикам, и себе взял всего одни.

Однако особисты не унимались, требовали вернуть. Толь-

ко не понятно, вернуть им, в особый отдел, или в немецкий танк назад отнести.

Сгоряча он сдернул часы с руки и запустил в дальний угол комнаты, где его допрашивали. Такой поступок явно не понравился представителям особого отдела, но, как говорят, тогда обошлось.

А теперь? Теперь все оказалось намного сложнее. Прав был Копылов. На следующий день в полк по душу комвзвода разведки Стрельбицкого прибыл майор-особист из штаба дивизии. И вскоре Владимир уже стоял перед ним, как Сивка-Бурка из старой сказки.

– Рассказывай, лейтенант... – Майор, не торопясь, закурил папиросу, затянулся всласть. – Только я тебе не комполка. Лапшу вешать не надо. Быстро расколю.

– А что тут колоть, товарищ майор, я и сам расскажу. Каждую ночь мы ходим в поиск. И каждую ночь нужен «язык». Только где ж его взять? Три дня назад в ходе наблюдения за передним краем противника обнаружили, что по нашим войскам с той стороны ведет огонь немецкая артиллерийская батарея. Определили, что находится она километрах в трех от нас.

Ночью 13 разведчиков во главе со мной вышли через лес к батарее. Залегли у фашистских землянок, стали изучать обстановку. Надо сказать, что мы еще не успели обнаружить орудия, как из ближайшей к нам землянки вышел немец. Хотел малую нужду справить.

Разведчик Копылов оглушил его и мы поволокли фашиста в лес. В пути разглядели, что нам попался не солдат, а лейтенант. Но придя в себя, он стал кричать, сопротивляться. Пришлось «успокоить» крикуна, чтоб не шумел, уложить на плащ-накидку и тащить. Немец здоровый, волокли его по болоту – вода, грязь. На пленного особо внимания не обращали. А у него в кармане оказался браунинг. Вот он из этого браунинга и застрелился. Когда как, ну, не слышали мы выстрела.

– Стало быть, лейтенант, в распоряжение полка вы притащили труп.

Стрельбицкий пожал плечами.

– А ты сам веришь в этот бред, взводный? – майор поднялся из-за стола. – Я желаю знать, где вы нашли труп и как пытались выдать его за «языка»?

Особист подошел вплотную, схватил за грудки Владимира.

– Да ты знаешь, что я с тобой сделаю. Надоело в разведку ходить, ночь, грязь, болота мешают? Дураков из нас делаешь? Последний раз спрашиваю: где труп взяли?

– Какой труп, товарищ майор? – не выдержал взводный, – На хрен он нужен, чтоб его по болоту на своем горбу всю ночь таскать под немецким обстрелом? Я что, сумасшедший...

– Нет, ты не сумасшедший, Стрельбицкий. Ты – враг. Скрытый враг советской власти. Когда другие жизни кла-

дуг за Родину, ты со своими бойцами командование обманываешь. Вместо разведданных трупы подсовываешь. Да тебя расстрелять мало.

– Да как же так, товарищ майор, какой же я враг? – прошептал лейтенант.

– А это мы сейчас посмотрим, разберемся, – «особняк» вернулся за стол, раскрыл планшет, вытащил папку. – А скажи мне, лейтенант, где ныне твой отец?

– Отец? – переспросил Стрельбицкий. – Он умер в 1932 году.

– Ну, допустим. А братья?

– Братья воюют...

– Где встретил войну?

– В Одессе, на курсах политруков.

– В разведку как попал?

– Добровольно попал. Приехал в наш автовзвод комиссар полка и говорит: «Вот что, Стрельбицкий, в разведке у нас беда, всех перебили. Пойдешь? Только добровольно». Пойду, ответил...

– Ну и что?

– А ничего, товарищ майор. Неделью ходим в ночные рейды – из 20 человек во взводе половины не остается. Наберу новых – и опять в рейд. Вот такой я, враг народа, уду мал трупы таскать. Свой лоб и своих ребят под пули подставлять... За труп, конечно.

Майор посмотрел на лейтенанта и захлопнул папку.

– Знаешь, Стрельбицкий, одного в толк не возьму: как он мог застрелиться у вас на глазах? И никто ничего не слышал. Как это объяснить?...

– Не знаю, как объяснить. Если б все на войне объяснить можно было, то немец не дошел бы до Александровки, – тихо произнес взводный.

Особист откинулся на стуле и долго смотрел на взводного. Потом расстегнул кобуру, вытащил из нее пистолет, положил перед собой на стол.

– Видишь? – спросил он.

– Вижу.

– Еще раз повторится, – майор вскинул ладонь, – вот этой собственной рукой пристрелю, как собаку. Не забудь.

Стрельбицкий посмотрел на майора, на его растопыренные коротенькие, пухлые пальцы, на пистолет на плохо обструганном столе:

– Не забуду...

Добыть «языка»

В избе, где вповалку спали разведчики, распахнулась дверь. В ту же секунду лейтенант Стрельбицкий открыл глаза и нашупал цевье автомата.

На пороге стоял часовой.

– Командир, ребята, немцы!

С окраины села уже слышались выстрелы, крики солдат. Разведчики быстро выбежали из избы. Часовой, наклонившись к Стрельбицкому, доложил:

– На левом фланге прорвались, товарищ лейтенант.

– Вижу, что прервались. А где третья рота?

– Драпает третья рота...

Теперь взводный уже и сам видел, что драпает. По селу, прямо по дороге, бежали десятка два солдат. Они даже не отстреливались. Иногда оглядывались, далеко ли немцы, и вновь бросались наутек. Разведчики сосредотачивались за домами деревни, вели огонь в сторону фашистов.

Стрельбицкий беспомощно смотрел, как мимо них пробежали бойцы третьей роты, и уже с окраины села показалась цепь немецких солдат. На снегу их мышинового цвета шинели были видны издалека.

Лейтенант подал знак своим – отходим.

У сельского дома, где располагался штаб, он увидел, как из окна вылезает командир полка. Взводного не ко времени

и не к месту разобрал смех: таким он своего строгого командира еще не видел. И тут Владимир вспомнил: у штаба полка всегда стояла зенитная установка. Четыре пулемета вместе, в едином кулаке. Почему они молчат?

Он бросился вокруг дома и увидел установку без зенитчиков. «И эти сбежали, – в сердцах подумал Стрельбицкий, заскочив в кресло наводчика. Перевел пулеметы из зенитского положения в горизонтальное, и только тогда, совсем рядом, за деревьями, разглядел фигуры фашистов.

... Зенитная установка – это лавина огня. В бескрайнем небе попробуй, поймай самолет, а на земле – мощное оружие. Мышиные шинели сначала бросились на землю, укрываясь за деревьями и камнями, а потом поползли обратно.

Лейтенант поливал огнем фашистов, сколько было сил. А когда кончились боеприпасы, посиневшие от напряжения пальцы разжать не смог. Уже с криком «Ура!» пробежала в обратную сторону третья рота, а он все сидел на месте зенитчика, не чуя ни рук, ни ног.

Вокруг сгрудились его разведчики, подошел командир полка.

– Ну что, Стрельбицкий, молодец! – бодро сказал майор, оправившись от волнения.

Владимир лишь грустно усмехнулся, вспомнив задницу комполка в окне дома.

– Все свободны, – скомандовал комполка, – а взводный ваш останется со мной. Майор отвел лейтенанта в сторонку.

– Давай к делу, Стрельбицкий. Я тебя уже собирался вызывать. А ты и сам тут как тут. В ближайшие две ночи во что бы то ни стало надо добыть «языка».

Комполка посмотрел на взводного, словно пытаясь понять, достаточно ли сильное впечатление произвели его слова.

– Есть, товарищ... – взял под козырек взводный. Договорить он не успел. Майор положил свою руку на ладонь лейтенанта и опустил ее вниз.

– Не надо, Володя, – неожиданно он назвал его по имени, – ты понял главное: во что бы то ни стало. Командир вытащил из планшета карту, расстелил ее на земле, опустился на одно колено.

– Смотри, сегодня вечером при поддержке артиллерии ты со своими разведчиками проникнешь в тыл немцев. Выйдешь на окраину села Рай-Александровка. Укроетесь в разрушенных колхозных конюшнях. По нашим предварительным данным, на другом конце села – немцы. Это все, что я могу сказать. Остальное за тобой.

Когда стемнело, разведчики лейтенанта Стрельбицкого сделали все, как приказывал командир полка. Под прикрытием отвлекающего артогня пробрались в немецкий тыл, в то самое село, в разрушенные конюшни. Действительно в ходе наблюдения установили, что на противоположной окраине села немцы.

Под утро разведчик Копылов снял часового, четверо во

главе со Стрельбицким вошли в дом. Немцы спали на полу, комната освещалась тусклой лампочкой, которая работала от аккумулятора. Автоматы стояли в углу, вдоль стенки.

В первую минуту приглядевшись и увидев в полутьме такое количество немцев, взводный растерялся. Им нужен всего один «язык», а тут по меньшей мере десяток фрицев. Всех надо пленить здесь, в тылу, где вокруг вражеские солдаты, а потом с эдакой оравой еще добраться до своих. Задача казалась невыполнимой.

Но, как говорят в народе, глаза бояться, а руки делают. Стрельбицкий пнул ближайшего спящего фрица. Тот вскочил и что-то закричал по-немецки. Сонные вражеские солдаты сбились в кучу под дулами автоматов советских разведчиков.

Лейтенант как мог спокойнее сказал: «Ребята, будем выводить всех».

Немцам приказали снять ремни, взять штаны в руки и выходить из дома. В это время, скрываясь за спинами своих, один из фашистов схватил попавший под руку котелок и запустил им в лампочку. Однако промахнулся и попал в разведчика. Тот выстрелил, наповал уложив немца.

Все остальные замерли, потом, подхватив штаны, стали быстро покидать избу. На улицу выбежали восемь человек.

Стрельбицкий приказал их уводить, а сам с тремя разведчиками остался прикрывать отход. Как всегда, рядом с ним был его первый помощник Копылов.

Не успела основная группа отойти, как из окна дома прилетела граната. Ее бросил скрывшийся в комнате и незамеченный разведчиками немец. Упал сраженный осколком Копылов, легко ранены двое солдат, Стрельбицкий получил ранение в руку, в живот и в лицо.

Немца уничтожили. Однако ничего этого уже не слышал лейтенант. Он потерял сознание и очнулся лишь в полевом госпитале.

Разведчики не бросили своего командира, на плащ-палатке дотащили до переднего края. А вот тело героически погибшего Копылова так и осталось на вражеской территории. Вынести его не было сил.

Восемь фашистских «языков» доставили в штаб. Так что задачу, которую ставил комполка, взвод Стрельбицкого перевыполнил с лихвой.

Сам же лейтенант в это время находился в медсанбате. У него поднялась высокая температура. Вскоре стало ясно, что ранения Стрельбицкого очень серьезны, и его доставили в госпиталь в городе Клухори, что на Северном Кавказе.

Там Владимир лечился полгода. На поправку он шел медленно, плохо заживала рука. О возвращении на фронт не могло идти и речи.

В октябре 1942 года лейтенант Стрельбицкий выписался из госпиталя и отправился к новому месту службы – в город Куйбышев, в Первое пехотное училище. Командование вспомнило о том, что перед войной он окончил курсы по-

литруков, и назначило боевого разведчика помощником начальника политотдела по комсомольской работе.

«Выражаю благодарность...»

Старший лейтенант Стрельбицкий приоткрыл дверь кабинета начальника политотдела училища.

– Разрешите, товарищ полковник.

Начпо широко улыбнулся, поднялся из-за стола и раскинул руки, словно хотел обнять старшего лейтенанта.

– Заходи, заходи, Владимир Васильевич!

«Что это с ним? – подумал с тревогой Стрельбицкий и остался стоять там, где стоял. Он в училище почти год, но таким начальника политотдела видит впервые. Опять же, это странное обращение по имени-отчеству. Видать, не к добру.

– Ты что там застыл? Заходи, коль зовут. Стрельбицкий сделал шаг в кабинет, доложил, как положено по уставу: прибыл по вашему приказанию.

– Садись, раз прибыл, – начпо кивнул на стул у приставного столика. Сам опустился напротив.

– Знаешь, Володя, праздник у нас сегодня в училище.

– Какой праздник? – удивился старший лейтенант.

– Сдается мне, что в первую очередь твой праздник...

Полковник протянул руку и в стопке бумаг нащупал листочек, похожий на телеграмму.

– Вот, слушай, – начпо поднес телеграмму поближе к лицу, – Первое пехотное училище. Город Куйбышев. Но кому, кому!

Он вскинул вверх указательный палец.

– Старшему лейтенанту Стрельбицкому В. В. Выражаю благодарность за помощь Красной Армии. И подпись, заметь, – И. В. Сталин.

– Ста-лин?... – недоверчиво спросил Стрельбицкий. На что развернул к нему бланк телеграммы.

– На, насладись сам.

Владимир читал, перечитывал телеграмму и не верил своим глазам. Он даже поначалу от волнения никак не мог вспомнить, за что его благодарит сам Верховный Главнокомандующий. Может, за тех «языков» на фронте? Так ведь столько времени уже прошло.

И тут вдруг обожгло: «За подводную лодку!» «Ну как же он мог забыть. Конечно, за подводную лодку. Стрельбицкий, как помощник по комсомолу, организовал преподавателей и курсантов на сбор денежных средств на постройку подводной лодки «Комсомолец ПриВО», что означало «Комсомолец Приволжского военного округа». Куйбышевское училище входило в состав округа. Удалось собрать немало – 5 миллионов! Он сам внес 10 тысяч рублей.

Начальник политотдела с удовольствием смотрел на взволнованного старшего лейтенанта.

– Что, Стрельбицкий, душа в пятки ушла? Не каждый день Верховный благодарит!..

Владимир только улыбался и ласково разглаживал на столе телеграмму.

Когда улеглось первое волнение, полковник хитро прищурился:

– А скажи, мой дорогой помощник, все хотел спросить, да не досуг было. Ты сам-то как эту сумму собрал? 10 тысяч – деньги немалые.

– Да это премия... – отмахнулся Владимир.

– Ничего себе, премия. У вас что, в разведке за каждого «языка» по тысяче дают? Не слышал я такого...

– Да уж, за «языка», дадут. Меня как-то особист премировал. Обещал расстрелять собственной щедрой рукой. И расстрелял бы в следующий раз. Только не повезло ему, ранило меня сильно... Потом, сами знаете, к вам попал. А тут, вроде, расстреливать не за что. Даже вот товарищ Сталин благодарность прислал.

Владимир умолк, вспоминая злобную физиономию особиста и его вскинутую в гнев короткопалую руку. Встряхнул головою, стараясь отогнать дурные воспоминания: «Приснится же такое, как шутят фронтовики». Он глянул на сидящего напротив начпо и осознал: полковник ничего не понял и ему, естественно, хочется узнать, где взял его помощник 10 тысяч рублей, и что же это за премия такая. Н-да, полковник был неплохим мужиком, но уж страсть как любопытным.

– Под Бельцами немцы разгромили наш арtpолк, и я служил в отдельной автороте дивизии. Дивизия отступала.

Стрельбицкий стал рассказывать, вспоминать, и словно в

замедленном кино поплыли, потекли отрывки из его недавнего прошлого.

...Основные силы дивизии уже переправились на левую сторону Днепра, а он отстал и теперь со своей ротой догонял штабную колонну. Немцы только что бомбили город. Днепропетровск горел...

Машина, на которой он ехал, мчалась по улице к переправе. Слева у дороги Стрельбицкий увидел здание госбанка и женщину, одну на пустой улице. Она испуганно смотрела то в небо, видимо опасаясь нового налета фашистских самолетов, то вдоль улицы, ожидая откуда-то помощи. У ее ног лежал банковский брезентовый мешок, в котором обычно инкассаторы переносят деньги.

– Тормозни, – скомандовал лейтенант водителю. Машина остановилась, Владимир выпрыгнул из кабины.

Обрадованная женщина замахала рукой.

– Товарищ военный! Товарищ военный!

– Что случилось?

– Здесь деньги нашего банка. Много денег, – сказала она, указывая на мешок, – он опечатан, опись внутри. Возьмите...

– Да куда ж я с ним?! – растерялся Стрельбицкий.

– Передадите командованию или в другой банк по дороге. Жалко. К немцам попадут.

– Ладно, – он схватил мешок и забросил в кузов, – передам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.